М.П. Крупнова, аспирантка кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mkrupnova@gmail.com

ПУБЛИЦИСТИКА ВЕНГРИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1918—1939)

Данная статья посвящена развитию публицистики Венгрии в межвоенный период — один из самых плодотворных для венгерской журналистики периодов. Выстраивая картину сложившейся ситуации, автор опирается на оригинальные статьи венгерских исследователей, на мемуары венгерских писателей и публицистов, работавших как в Венгрии, так и за ее пределами, на сами статьи, опубликованные в тот период.

Ключевые слова: *Венгрия, публицистика, межвоенный период.*

This article concerns the history of Hungarian journalism (közirök) in interwar period (in Hungarian tradition the epoch of Horthy). The period between two wars was very fruitful for journalists, who worked actually not only on the territory of Hungary but also abroad. They produced the articles of great social and cultural value. The author bases on the research taken by Hungarian media scientists and the articles printed in different magazines.

Key words: *Hungary social and political journalism, interwar period.*

Макс Вебер, отец социальных наук, был одним из первых, кто заметил важность общего конструкта под названием “идеальный тип” национального журналиста, а также предпринял попытку понять характер этой профессии [Weber, 1995, p. 331—334]. Вебер отметил, что журналисты долгое время не имели своей ячейки в системе профессиональной стратификации; он также указывал на длительное негативное отношение к имиджу журналиста. Веберу принадлежит высказывание о том, что существует довольно много журналистов, которые потеряли свой путь и себя, “хотя именно в этой системе можно найти достаточное количество ценных, настоящих людей” [ibid.]. В период между двумя мировыми войнами в Венгрии появились публицисты, которых можно рассматривать в парадигме веберовского “идеального типа” и которые впоследствии стали путеводной звездой для будущих журналистов, которым пришлось жить и работать в очень трудное для венгерского государства время — при смене режима — в 1989—1990 гг. Именно межвоенное время (1918—1939) можно рассматривать как тот значимый период в венгерской журналистике, традиции которого найдут свое отражение в статьях современных публицистов.

Исторический контекст

После Первой мировой войны и подписания Трианонского договора[1] (1920), изменившего карту Центральной Европы, произошло отделение значительных территорий от Австро-Венгрии. Этот мирный договор означал разделение Венгрии, максимальное уменьшение ее размеров. По сей день слово "Трианон" у венгров ассоциируется с вопиющей несправедливостью. Существует даже такое понятие, как "трианонский синдром". Однако для иных народов он означал возникновение их собственных национальных государств — Румынии, Югославии, Чехословакии. Венгрия же в период между двумя мировыми войнами попыталась изменить невыгодные для нее условия Трианонского договора, но Будапешту в итоге пришлось опять смиряться с трианонскими границами. С господствовавшими в прессе того времени иллюзиями по поводу установления панславизма[2] как правящей идеологии было покончено. Если до конца Первой мировой войны издания Австро-Венгрии демонстрировали лояльность и даже приверженность к идеям славянской взаимности (империя была враждебна любому национализму — его торжество означало бы ее исчезновение), то после 1918 г. позиции печатных органов резко разделились[3].

Сразу после Первой мировой войны в прессе замелькал миф о "тюрьме народов", который активно поддерживался пропагандой и националистической историографией стран—преемниц Австро-Венгрии, хотя политика Габсбургов была антинационалистическая. В действительности велась речь скорее об "инкубаторе народов", в котором на протяжении длительного времени были созданы достаточно благоприятные условия для культурного, экономического, а затем и политического развития множества этносов и постепенного превращения их в современные нации. К началу XX в. "гнездо" стало тесным для "птенцов", Первая мировая война довершила дело, и "инкубатор народов" был разрушен. Если в прессе до 1918 г. много внимания уделялось социальным достоинствам

[1] Договор юридически оформлял положение, фактически сложившееся в бассейне Дуная после войны. В результате была зафиксирована потеря Венгрией значительных территорий: Трансильвания и восточная часть Баната были присоединены к Румынии; Хорватия, Бачка и западная часть Баната вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев; Словакия и Подкарпатская Русь вошли в состав Чехословакии; Бургенланд был передан Австрии; численность венгерской армии ограничивалась 35-ю тысячами солдат и она должна была быть наемной [Мерников, Спектор, 2005; Жуков, 1955—1965].

[2] Термин, введенный в 1840-х гг. австро-венгерскими националистическими деятелями для обозначения национально-освободительной борьбы славянских народов [Волков, 1969].

[3] *Шимов Я.* Непохожие братья. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2006/08/21_a_741517.shtml

политики австро-венгерского государства — писали о пенсиях по инвалидности, специальных накопительных счетах для рабочих, о запрещении использования детского труда, об экономическом подъеме и росте благосостояния, — то затем журналистика, как и страна, оказалась разорванной идеями анархизма, социализма и большевизма. Эра монархических органов печати прошла. Наступило время оппозиции. Газеты трубили о трудностях военной жизни. О несправедливости правительства Габсбургов, о том, что цены к концу войны выросли более чем в пятнадцать раз, что многие живут на грани голода [Naplo].

Никакие военные и дипломатические успехи — крупнейшим из них стал выход России из войны в конце 1917 г. и подписанный вскоре Брестский мир (1918) [Чубарьян, 1964] — уже не могли вызвать массового воодушевления. В газетах появились предсказания о том, что платить за роль немецкого "прицепного вагона" дунайской монархии придется превращением в сателлита северного соседа — Германии. Распространение получили немецкоязычные издания австрийцев, выступавших за создание "Западной Австрии", где все, кроме немцев, должны были находиться на позиции меньшинств, подлежащих ассимиляции. Националисты резко активизировались по всей империи. 16 октября 1918 г. увидел свет императорский манифест Карла I "Моим верным австрийским народам", который можно смело рассматривать как достойнейший экземпляр послевоенной публицистики. В нем провозглашалось, что Австрия должна стать в соответствии с желаниями ее народов государством федеративным. В этом государстве каждая народность образует свое собственное государство на территории, которую населяет. "К народам, на самоопределении которых будет основана новая империя, обращаюсь я — дабы участвовали в сем великом деле посредством национальных советов, которые, будучи составлены из депутатов от каждого народа, должны представлять интересы оных народов в их отношениях между собой и с моим правительством. Да выйдет наше Отечество из военных бурь как союз свободных народов"[4].

Наступил тот период времени, когда венгерская пресса стала рупором мнений самых талантливых и ярких публицистов, журналистов, писателей и политиков. Кстати, такая же ситуация наблюдалась и в Польше в период Второй Польской Республики в 1918—1939 гг., где динамичное развитие местной прессы способствовало росту ее общественного значения [Геруля, 2001]. Со страниц газет зазвучали смелые и непреклонные голоса, на страницах сталкивались различные точки зрения. Это получило дополнительное значе-

[4] *Шимов Я.* Непохожие братья. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2006/08/21_a_741517.shtml

ние в свете достаточно строгого деления венгерских журналистов и редакторов межвоенного периода по этическому, профессиональному и возрастному критериям. С одной стороны, это были представители старой либеральной школы, которые "воспитывались" при монархии, с другой — правые молодые журналисты, которые "вышли" из траншей Первой мировой войны и сделали свои карьеры в 1930-е годы. Тем отчетливее звучали независимые голоса некоторых выдающихся журналистов, политиков и литераторов, которые высказывались по важнейшим для нации вопросам, порою закрывая глаза на позицию того или иного издания. Именно они, на взгляд автора данной работы, принадлежат к тому "идеальному типу" журналистов, выделенному Вебером.

Некоторые венгерские исследователи [Balázs, 2007] отмечают, что венгерский межвоенный период по хронологии не совпадает с общемировым (общепринятой хронологии придерживаются и российские историки). В Венгрии межвоенным периодом они называют эпоху Хорти[5]. Межвоенный период в большой степени характеризовался всплеском активной деятельности журналистов, их размышлением и о дальнейшей судьбе страны, полемикой представителей разных групп общества. Также между 1938—1944 гг. в стране проходила навязанная властями реструктуризация журналистской элиты, ее целью была дискриминация журналистов еврейского происхождения. На практике оказалось, что современники Хорти сильно преувеличивали власть своих соперников, включенных ими в "еврейскую социальную сеть", и наличие у них враждебных целей.

В общем, хортистский режим сохранял дуалистическую либеральную традицию. Так, например, парламентская система, унаследованная от предыдущей эпохи, сохранилась почти без изменений вплоть до нацистской оккупации. Социально-демократические партии, которые пошли на компромисс с режимом Хорти, называли эпоху "мягкой диктатурой", а идеологи крестьянских партий — всего лишь буржуазно-демократической. Между тем сам Хорти характеризовал свободу прессы как источник бесчестия, антипатриотизма и несчастий страны. Он обвинял прессу в разжигании левых революционных движений и в исходе Трианонского соглашения. Здесь нельзя не упомянуть о характерной для межвоенного времени антисемитской проблеме в прессе. Современник Хорти,

[5] Миклош Хорти, с 27 февраля 1918 г. контр-адмирал Австро-Венгерского флота, последний его главнокомандующий. 1 марта 1920 г. Национальное Собрание избрало Хорти правителем Венгрии. За него проголосовал 131 депутат из 141. Став главой государства, Хорти сохранил за собой пост главнокомандующего армии, но его основными функциями стали представительство страны во внешнем мире, назначение и прием послов. По различным сведениям, в августе 1922 г. делегация венгерских политиков предложила ему корону, однако он отклонил их предложение.

писатель и редактор Бэла Банга (Béla Bangha) писал, что пресса организовывала преступления против общества, и утверждал, что либеральная (большей частью еврейская) пресса ежедневно дозированно вливает секретный и медленный яд в кровь миллионов христиан [Balázs, 2007, p.19]. Обвинения Эндре Бойчи-Жилинского (Endre Bajcsy-Zsilinszky), который исследовал прессу первой половины XX в., также заключаются в доминировании журналистов еврейского происхождения во всех сферах национальной журналистики. На это национальное в Венгрии меньшинство также нападали по причине отличной от венгерской морали и модели поведения [ibid., p.21]. Выводы Бойчи-Жилинского были однозначными — нужно остановить данный процесс всеми доступными для этого средствами государственного вмешательства.

В парламентском кругу также модно было придерживаться антисемитской позиции, называя еврейских интеллектуалов оккупантами, которые заполонили литературу, искусство, театр, журналы и все главные сегменты общества [ibid., p.22]. Но дальше всех пошел Михай Колошвари-Борчо (Mihály Kolosváry-Borsca), выпустив в 1944 г. книгу "Роль евреев в интеллектуальной жизни Венгрии". В этой книге он интерпретировал развитие прессы как смену различных фаз еврейской борьбы за власть[6].

В целом политическая идеология межвоенного периода показывает, что происхождение журналистов стало основным предметом общественного дискурса в эру Хорти. Политические идеологи идентифицировали своих соперников как еврейское лобби, либералов, масонов, или просто деструктивный элемент, причем переоценивали их власть, согласованность и враждебные цели. Как результат, культурная полемика затем переросла в политические репрессии при Хорти.

Традиции венгерской журналистики между двумя мировыми войнами опирались на следующую схему — "политика и общество в прессе — пресса в политике и обществе". Достаточно привести характерный пример — в 1928 г. либеральный журналист Виси Йожеф (Vészi József) в канун своего 50-летия в профессии был избран в Верхнюю палату парламента. А журналист правых взглядов Карой Мороть-Мейслер (Károly Marothy-Meizler) в 1920-е гг. был секретарем христианской социалистической партии, а карьеру заканчи-

[6] Проблема "еврейства" в журналистике, так остро стоящая для межвоенных лет, неотделима от проблемы малой нации (см. работу автора данной статьи "Принципы национального сознания малой нации", работы венгерских мыслителей Деже Костолани "Место венгерского языка на земном шаре", Ласло Немета "Молочные братья", Лайоша Фюлепа "Национальная самодостаточность", Михая Бабича "О венгерском характере", Иштвана Бибо "О бедствиях и убожестве малых восточноевропейских государств" и др.), к которой можно отнести Венгрию.

вал (будучи членом нацистской партии Салаши) как редактор нацистского "Пешти Уйшаг" (Pesti Újság, "Пештские новости"). А упомянутый в этой работе Михай Колошвари-Борчо и вовсе в 1939 г. стал президентом Национальной палаты прессы.

Персоналии

Выдающимся достижением этой эпохи было национальное возрождение в области культуры. Новая литература и журналистика, созданная Эндре Ади, Жигмондом Морицем и др., исходила как из западных, так и венгерских традиций.

Шандор Броди (Sándor Bródy, 1863—1924), расцвет творчества которого приходится на 1920-е гг., считается по праву "законодателем стиля" современной публицистики, согласно мнению венгров, он был создателем литературного языка журналистики, который оказал большое влияние на прозу известного венгерского писателя Эндре Ади. Его произведения, повествующие о проблемах ассимиляции еврейства, о распаде еврейской семьи, насыщены драматизмом и лирикой. Масса сложных грамматических и лексических конструкций, сложная поэтика непростого венгерского языка сделали творчество Броди учебником для его последователей. Кстати, Иштван Бибо, венгерский политический деятель, публицист, политолог и писатель, несомненно, опирался на достижения своего предшественника. Первый сборник рассказов Броди "Нищета" вышел еще в 1884 г. Шандор был редактором литературного журнала "Ёвендё" ("Jövendö", 1903—1906). Отстаивая принципы натурализма, Броди в своих рассказах и романах (таких как "Рыцарь солнца", 1902, и др.), пьесах ("Кормилица", 1902; "Учительница", 1908) реалистически разоблачал буржуазно-помещичье хищничество и аморализм, утверждал нравственную правоту простых людей[7].

Журналист Игнотуш, или Вигельсберг Гюго (Гуго Файгельсберг, Ignotus, Veigelsberg Hugó, 1869—1949), обладал взглядом художника-импрессиониста и перенес в публицистику манеру живописцев. Он, как и ряд писателей еврейской национальности, примкнул к журналу "Нюгат" (Nyugat, "Запад"), западническая ориентация которого сыграла важную роль в истории венгерской литературы. Гюго волновали духовные искания и трагическая судьба европейского еврейства, свои статьи он начинал всегда от первого "обобщенного" лица, принадлежащего всем евреям Венгрии. Юрист по образованию, Игнотуш всю жизнь работал исключительно в области литературы. В 1891 г. вышел его первый сборник стихов "Стра-

[7] *Tóth Csaba János*. Magyar publicisztikai hagyomány. Közírók (1 rész). Forrás PR Herald. http://www.pherald.hu

дания Шлемеля", написанный под сильным влиянием Гейне и Иосифа Кисса. Стихи эти проникнуты ироническим отношением к самому себе, сочетающимся со скептицизмом и чувственным жизнеощущением. В политическом отношении Игнотуш находился под различными влияниями: политический сотрудник консерватора-аристократа Юлия Андраши, Гюго был также связан и с представителями мелкобуржуазного радикализма. Он проповедовал нечто вроде феодально-консервативного социализма и вместе с тем заигрывал с мелкобуржуазной революционной демократией.

Во время войны Гюго поддерживал в лицемерно-пацифистском духе империалистическую политику монархии. После революции ему была доверена политическая работа за границей, в связи с чем он долгое время не мог вернуться в Венгрию после победы контрреволюции. Чтобы искупить свое космополитическое прошлое, Игнотуш развернул за границей широкую журналистскую деятельность в националистическом духе. В политических статьях 1930-х и 1940-х гг. Игнотуш выражает упаднические настроение мелкой буржуазии, разочаровавшейся в революции.

Вошла в историю и публицистика Морица Жигмонда (Moricz Zsigmond, 1879—1942), который опубликовал бесчисленное количество репортажей, наполненных достоверными деталями. Жигмонд родился в крестьянской семье, учился в Дебреценском университете, где занимался журналистикой. Известность Морицу принес рассказ "Семь крейцеров" (1908). Его романы из сельской жизни — "Самородок", "Захолустье" (оба 1911), "Факел" (1917) и многие другие его произведения проникнуты сочувствием к простым людям. В 1918 г. Мориц приветствовал буржуазно-демократическую революцию, а в 1919 г. — Венгерскую советскую республику. В 1920 г. публицист опубликовал роман "Будь честным до самой смерти", в котором нашли отражение поэтические воспоминания о детстве. В романах "Барские затеи" (1927), "Жаркие поля" (1929), "Родственники" (1930) Мориц показал распад феодально-дворянской Венгрии, корыстолюбие капиталистов. В 1935 г. он опубликовал роман "Счастливый человек" о трагической судьбе венгерского крестьянина, обреченного на безысходную нищету в мире стяжателей. В последние годы жизни Мориц все больше проникался бунтарскими настроениями и "уходил в литературу". Его творчество, развивавшееся в русле критического реализма, занимает значительное место в венгерской литературе [ibid.].

Йено Хелтои (Jenö Heltai, 1871—1957) прославился изобретением стихотворной публицистики. Двоюродный брат Т. Герцля, представлял в венгерской журналистике и литературе "гейневскую" традицию. Он выступил подлинным новатором, играя с грамматическими и лексическими конструкциями венгерского языка, а как

публицист впервые ввел в употребление слово “mozi” — кино по-венгерски. Интереснейшим фактом является и то, что его произведения иногда печатал американский журнал “Эсквайр” (Esquire), который с момента своего создания сотрудничал только с самыми лучшими журналистами.

В передовых статьях Ференца Молнара (Ferenc Molnár, 1878—1952) переплелись яркие аргументы и насыщенные чувства патриота, в его статьях каждодневные проблемы простого человека подавались с огромным сочувствием. Он познакомил венгерский театр с художественными новациями модернистских течений Запада, а его прозаические произведения обращались к еврейской тематике. Молнар родился в буржуазной семье, учился в Женевском университете. Литературную деятельность начал в 1896 г. В годы фашистского режима уехал в США. Его сборники рассказов “Голодный город” (1901), “Воруют уголь” (1918), романы “Тайна Арувимского леса” (1917), “Андор” (1918) проникнуты сочувствием к обездоленным. Повесть Молнара “Мальчишки с улицы Пала” (1907) — лирическое воспоминание о детстве. Популярностью пользовались пьесы Молнара, критиковавшие аристократические и буржуазные нравы (“Чёрт”, 1907; “Волк”, 1912; “Игра в замке”, 1926; “Олимпия”, 1928), а также в гротескно-сентиментальных красках изображавшие быт городского “дна” и бедняков (“Лилиом”, 1910; “Любовь небесная и земная”, 1922; “Стеклянные туфли”, 1924) [ibid.].

Эндре Ади, один из самых крупных публицистов межвоенного периода, был абсолютным борцом по своей сути. Он восставал против порядков и законов общества и в своих политических взглядах, и в своем мировоззрении. Еще молодым журналистом он усвоил идеи, которые популяризировали в своих газетах и журналах так называемые буржуазные радикалы, представляющие передовые силы общества, мечтавшие строить демократическую, “городскую” Венгрию. Идеи эти в совокупности представляли собой восточноевропейский, характеризующийся более тесной связью с общественными проблемами вариант либерально-позитивистского созерцания, свойственного прогрессивной буржуазии XIX в. Под знаменем этих идей вел Ади свои первые, нередко шумные сражения в печати против главных опор феодального строя — крупного землевладения и клерикализма. Полуфеодальная Венгрия была традиционна. Ади же в противовес этому провозглашал необходимость “эволюции”, постоянного развития. Противники его опирались на принцип непререкаемости авторитета. Идеалом Ади была свободная, независимая личность, мыслящий, критически взирающий на жизнь человек. Во враждебном лагере господствующей идеологией был национализм; ссылаясь на интересы нации, господствующие слои подавляли любые справедливые социальные

и национальные устремления. Ади же, напротив, влекло к таким идеям и теориям, которые на первый план выдвигали общественный, классовый подход, социальную точку зрения. Лишь в тесном слиянии общечеловеческого и национального, в умении объединить интересы прогресса и нации заключен, считал он, подлинный смысл любви к родине [Ади, 1981, с. 15]. Эндре Ади вошел в литературу и публицистику также как реформатор языка.

Особое внимание хотелось бы уделить следующим пятерым персонажам межвоенной публицистической сцены. Деже Костолани (Dezső Kosztolányi), Ласло Немет (László Németh), Лайош Фюлеп (Lajos Fülep), Дюла Ийеш (Gyula Illyés) и Михай Бабич (Mihály Babits) создали тексты такой публицистической силы, что и на сегодняшний день они не теряют актуальности, а наоборот, всплывают в памяти венгров и на страницах газет.

Деже Костолани (1885—1936), как и многие другие публицисты межвоенного периода, принадлежал к кругу авторов журнала "Нюгат". В 1930 г. именно в этом журнале вышел его материал под заголовком "Место венгерского языка на земном шаре" (Открытое письмо Антуану Мейе, профессору Коллеж де Франс). В своей статье Костолани впервые так открыто и мощно ставит проблему венгерского языка, который многие ученые европейцы, в частности лингвист Антуан Мейе, считали мертвым и всячески принижали. «...Не имеет никакого значения пресловутый "цивилизующий фактор", а именно: шлифуют ли язык те, для кого это волею случая составляет страсть и ремесло, то есть так называемые поэты и писатели. С этой высокой точки зрения все языки равноправны. "Свобода, равенство, братство" — хоть в аду, хоть в лингвистике. Нет, не было и быть не может "варварских" языков!» [Венгры и Европа, 2002, с. 27].

В этой же статье Костолани опровергает известное пророчество немецкого историка Гердера, который считал, что среди славян, немцев, валахов и других народностей венгры составляют самую маленькую часть населения и что язык их должен исчезнуть. Вот как ответил Гердеру Костолани: "Эти слова были написаны Гердером в 1820-м году. А тремя годами позже родился Петефи, которого в наше время гораздо больше знают и чаще вспоминают, чем этого вседостойного прорицателя. Пророчество — опасное дело, мы же, однако, привыкли к тому, что если о живом человеке распространился слух, будто он умер, то суждена ему долгая жизнь" [там же, с. 37].

Сравнивает Деже Костолани венгерскую нацию с редким цветком золотого льна (linum dolomiticum), который цветет так красиво, и, возможно, никто не увидит его на поле: «Цветет и увядает золотой лен, как все живое, как "большие" и "малые" народы, как "цивилизации". Мы тоже цветем и увядаем. Пожалуй, в этом и есть смысл жизни» [там же, с. 39].

Другую проблему поднял в 1932 г. в журнале “Тану” (Tanú, “Свидетель”) прозаик и журналист Ласло Немет. В “Свидетеле” вышло его эссе “Молочные братья”. Немет был влиятельным деятелем литературного и общественного движения “народных писателей”. В своей публицистике начиная с 1930-х годов развивал концепции “немарксистского социализма”, “третьего пути” для Венгрии, отстаивал собственную “дунайскую идею”, суть которой заключалась в объединении венгров с окружающими народами для защиты своих интересов, традиций. “...Если далеко на Востоке люди и научились читать, а на Западе возродились истребленные Карлом Великим саксонцы, мы, придунайские народы, застряли там же, где были до войны, — живем единой судьбой, ничего друг о друге не ведая. Самое время наконец-то познакомиться со своими молочными братьями, с которыми вместе мы приникаем к сухим сосцам единой судьбы” [там же, с. 45].

Два года спустя, в 1934 году, в журнале “Валас” (Válasz, “Ответ”) вышла статья Лайоша Фюлепа под заголовком “Национальная самодостаточность”. В ней он также коснулся волновавшего всех вопроса национального самоопределения венгров. Согласно яркой и нестандартной биографии (публицист Фюлеп был специалистом в области истории европейского и венгерского искусства, а также в течение нескольких десятилетий был священником одного из протестантских приходов), в статье нашел выражение нетривиальный подход к существующей проблеме. Фюлеп уделяет огромное внимание туранизму — идеологии, возникшей в Венгрии в начале XX в., в которой подчеркивалась духовная преемственность венгров с мифической цивилизацией Турана (туранцы здесь — урало-алтайские племена и народы, тюрки, монголы). В хортистской Венгрии антизападнический и антиславянский по своей направленности туранизм, который утверждал более древнее происхождение и культурное превосходство венгров, стал основой националистической идеи.

Фюлеп в своей статье пытается ответить на вопрос — куда все-таки относить венгров, к Западу или к Востоку? Главная идея его произведения состоит в том, чтобы не искать так яростно свое национальное, а избегать ненационального, псевдонационального в жизни: “Псевдонациональное — это, собственно говоря, не-национальное, более того, даже анти-национальное, ибо на место национальных проблем и задач оно ставит тормозящую, мешающую национальной жизни самоизоляцию, мертвый псевдоидеал, бесплодный лозунг, на место действия — оправдания для пассивности, ложную традицию, враждебное развитию самодовольство, убийственный кич” [Там же, с. 72]. Говорит Лайош Фюлеп и о пародии как о цельном и исчерпывающем антиобразе национального

духа, при этом пародия у него — совершенна. Это означает, что «национальное реализуется не только в позитивном начале, в творчестве: в негативном начале, в не-действии, в невидении тоже есть своеобразие, патентованное как “национальное” качество» [там же, с. 72].

Дюла Ийеш, автор эссе “В поисках колыбели” (1938), написал свою работу по следам поездки в СССР в 1934 г. В своей полной исторических ссылок работе Ийеш рассказывает уникальную историю венгерского ученого Антала Регули, который потратил всю свою короткую жизнь на поиски родственных венгерскому языков на просторах нашей страны. Подобно финну Элиасу Ленроту, который в 1835 г. издал легендарную “Калевалу”, Регули стал величайшим героем среди тех, кто посвятил себя исследованию истоков своего народа, несмотря на смертельные препятствия. По мнению Фюлепа, подлинный национальный героизм лежит именно здесь: “Он (Регули) дал верное и достойное подражания направление, и не только в области лингвистики. Это был также пример мужества, пример самоотверженности” [там же, с. 100]. Таким образом, национальным героем выступает вовсе не политик и революционный активист, а простой лингвист.

Последнее эссе, которое я хочу рассмотреть в этой работе, принадлежит перу публициста Михая Бабича. Бабич, так же как и Деже Костолани, принадлежал к ключевым фигурам литературно-критического журнала “Нюгат”. В 1933—1941 гг. он даже был главным редактором этого журнала. Эссе “О венгерском характере” было впервые опубликовано в 1939 г. в сборнике Дюлы Секфю “Что есть венгр?”.

Бабич пытается найти истоки венгерскости и сетует на то, что “энциклопедии, которая бы помогла нам понять в самих себе это чувство, чувство венгерскости, не существует” [там же, с. 103]. Сознание же, по мнению Бабича, является реакцией на неопределенность. Позицию Костолани разделяет Бабич и в таком вопросе, как язык, и считает, что “нация жива языком”.

Говорит Бабич и об уникальном единстве венгров: «И все-таки до чего же она едина, эта страна, отрезанная словно ломоть хлеба, от остального мира, до чего же един этот особый “венгерский глобус”! Единство это тщетно кромсали, тщетно делили в течение целых столетий на куски: оно каждый раз восстанавливалось само собой» [там же, с. 109]. Бабич также рассматривает проблему венгерского финитизма — болезненного стремления остановиться, замкнуться в себе, замереть, отвернуться от остального мира. И вердикт публициста однозначен: “Одно ясно: сколь бы отгороженной неодолимыми засеками ни была родина, которую мы добыли себе, спрятаться от остального мира все равно не удастся” [там же, с. 109].

Бабич выделяет ряд качеств венгерской нации, которые определяли и определяют ее судьбу. Он считает, что венгры — нация политическая, но не в смысле активности в политическом плане, а в смысле того, что ее величайшее деяние — умение воздержаться от действия. Таким образом, венгры владеют некой своеобразной созерцательностью, спокойствием, осторожностью и... ленью. Но объективность автора очевидна: "У любой нации есть свои тайны, которые составляют и силу ее, и слабость. Недостатки обычно — это те же добродетели. Все зависит от точки зрения" [там же, с. 119].

Венгерские издания межвоенного периода за рубежом

В 20—30-е гг. XX в. во всех странах, образовавшихся после распада Австро-Венгрии, за исключением Чехословакии, к власти пришли авторитарные националистические режимы, проводившие политику дискриминации или ассимиляции этнических меньшинств. Пресса этих государств становилась рупором жесткой политики правительств, язык — вот что было единственным различием между газетами.

С 1918 г. и вплоть до конца 1920-х гг. самое мощное развитие и поддержку получают интернационалистические газеты, выходившие в российских городах и потом доставлявшиеся в Венгрию разными путями. Масса военнопленных журналистов, которые высказывались на страницах этих газет, представляла собой совершенно необычное явление — это был конгломерат противоречий. Наиболее "сознательные", как окрестила их советская большевистская власть, военнопленные искали связи с большевиками. А поскольку одним из декретов Советского правительства им было даровано право на свободу слова, собраний, обеспечения пропаганды и культурной деятельности и возможности для выпуска газет, то такие газеты и начали появляться. Это были органы коммунистической партии, полностью соответствовавшие ленинской идеологии, выступающие дополнительным рупором советской власти. Тиражи их были значительными — например, "Красная газета" (Vörös Ujság) в 1920 г. вышла в количестве 468 тыс. экземпляров [Николаенко, 1973, с. 37]. На страницах газет печатались статьи ставших впоследствии крупнейшими деятелями коммунистической партии Венгрии — Белы Куна, Тибора Самуэли, Ференца Мюнниха. Большое внимание в газетных материалах отводилось решению задач воспитания и подготовки новых революционных кадров, защиты русской революции.

Нельзя не сказать и о венгерских газетах, выходивших на территории Соединенных Штатов Америки. Волны эмиграции в XX в.

(самая мощная из которых пришлась на 1907 г.) породили венгерские культурные очаги, крупнейшим из которых стал Кливленд. Именно там в конце XIX в. начали возникать периодические издания на венгерском языке, созданные венгерской диаспорой. Эти издания также откликались на проблемы, стоявшие перед Венгрией в период между двумя мировыми войнами, предпринимали исследования и следили за событиями. Так, возникшая в 1891 г. в Кливленде "Соободшаг" (Szabadság, Liberty) в 1927 г. напечатала первую историю венгров-американцев. Она носила название "Magyarok Amerikaban, Az amerikai magyarsag tortenete 1583—1927" (Hungarians in America: The History of Hungarians in America, 1583—1927). Популярностью пользовалась также газета главного редактора Гизы Бирко (Géza Berko) "Amerikai Magyar Népszava" (American Hungarian People's Voice). Но это уже другая история.

Выводы

С начала XIX в. в Венгрии складывалась интересная система журналистики. По сути, мы имеем дело с одной непрекращающейся живой традицией. Следует помнить, что журналисты никогда не пишут в безвоздушном пространстве, в журналистике скрещивается все — общественно-политические, культурные проблемы, она находится в центре всех явлений.

В рассмотренный нами межвоенный период творило множество талантливых людей, которых волновали прежде всего проблемы государства и нации, языка и человека. Яркие голоса венгерских публицистов — Деже Костолани, Эндре Ади, Ференца Молнара, Ласло Немета и других были слышны на весь мир.

Межвоенный период стал эпохой эталонной публицистики, которой впоследствии подражали в очень важный для венгерской государственности период — 1989—1990 гг.

В межвоенный период в парламентских кругах было принято придерживаться антисемитской позиции, и журналистика, как и многие другие сферы, испытывала на себе негативные последствия еврейского вопроса — травлю журналистов еврейской национальности, предвзятое к ним отношение, несмотря на тот факт, что они с начала 1920-х гг. составляли ее (журналистики) элиту.

Венгерская печать развивалась также и за пределами государства — на территории СССР и США. И если в первом случае венгерские военнопленные создали ряд социалистически ориентированных изданий, некоторые из которых продолжили свое существование в Венгрии, то во втором — венгерская периодика была основана эмигрантами, которые начали массово прибывать в Америку в середине XIX в.

В публицистике межвоенного периода отразилось все наследие венгерской истории, венгерской политики, языка и культуры этой страны.

Список литературы

Ади Э. Избранное. Будапешт: Корвина, 1981.

Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М., 2004.

Венгры и Европа. Сборник эссе. Библиотека журнала "Неприкосновенный запас". М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм" // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.

Геруля М. Местная периодическая печать Польши 1990-х гг.: типология, современное состояние и перспективы развития: Дис. ... канд. фил. наук. Ростовский гос. ун-т. Ростов н/Д, 2001.

Жуков Е.М. Всемирная история: В 10 т. М.: Мысль, 1955—1965.

Мерников А.Г., Спектор А.А. Всемирная история войн. Минск, 2005.

Николаенко К.А. Ведущие органы печати венгерских интернационалистов в Советской России (1917—1921 гг.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1973. № 4.

Чубарьян А.О. Брестский мир. М., 1964.

Balázs B. Images of the Interwar Press in Hungary. Budapest: Central European University, 2007.

Demblin A. Minister gegen Kaiser. Aufzeichnungen eines österreichisch-ungarischen Diplomaten über Außenminister Czernin und Kaiser Karl. Böhlau; Wien, 1997.

Molnár M., Magyar A. A Concise History of Hungary. Cambridge University Press, 2001.

Napló P. Magyarország, Az Est, Budapesti Náplót. Budapester Presse, Pester Lloyd.

Weber M. Political Profession / Lassman P., Speirs R. (eds.) Max Weber: Political Writings. London: Routledge, 1995.

Поступила в редакцию
26.01.2010